

Фу Яньцин подняла голову, её глаза были красными, и она с горечью сказала:

— Мне следовало увести тебя с собой, если бы я сделала это раньше... возможно... возможно, ты бы не страдала так сильно.

Чжао Цзыянь замерла и, подумав, наконец произнесла:

— Цинь, это не твоя вина. Если бы ты тогда увела меня, никто не знает, что могло бы случиться, и это могло бы навредить тебе.

Она улыбнулась:

— Правда, хотя этот яд вызывает невыносимую боль, он принёс мне не только страдания. Если бы не его ядовитая природа, Драгоценная наложница Сяо никогда бы не позволила мне жить, а Чжао Моцзянь не позволила бы мне расти. Даже если бы ты увела меня, я уже приняла Порошок, разъедающий сердце, и результат был бы ещё хуже.

— Порошок, разъедающий сердце? Она дала тебе Порошок, разъедающий сердце!

Фу Яньцин изменилась в лице, её сердце заледенело, и она сжала зубы, глядя на Чжао Цзыянь, её сердце разрывалось от боли.

Порошок, разъедающий сердце, она видела, как Чжао Моцзянь использовала его в прошлой жизни. В те дни Чжао Моцзянь и Чжао Циншу боролись за трон, их противостояние становилось всё более острым, и в конце концов они почти убили друг друга. У Чжао Циншу был телохранитель, который вырос вместе с ним и был его скрытым оружием, преданным ему до конца.

Но в конце концов Чжао Циншу был вынужден послать этого телохранителя убить Чжао Моцзянь, и он почти преуспел, но в последний момент был схвачен.

Несмотря на все пытки и допросы, он не проронил ни слова, и тогда Чжао Моцзянь заставила его принять Порошок, разъедающий сердце. Доза была настолько сильной, что телохранитель скончался через несколько часов. В тот день в тюрьме раздавались душераздирающие крики, которые заставили Фу Яньцин содрогнуться. Через несколько минут он признал свою вину. Именно тогда Фу Яньцин начала понимать, насколько жестока Чжао Моцзянь.

Чжао Цзыянь тоже удивилась и осторожно спросила:

— Цинь... ты знаешь о Порошке, разъедающем сердце?

Если бы не Чжао Моцзянь, она бы тоже не знала об этом яде. Даже Яо Саньтун, услышав это название, только в древнем тексте нашёл несколько упоминаний, и именно из-за его редкости он не мог найти противоядие. Как Фу Яньцин могла знать о нём?

Фу Яньцин вздохнула:

— Я случайно узнала об этом. Ты... скажи мне, как этот яд влияет на тебя?

Она с трудом сдерживала дрожь в голосе, но глаза выдавали её страх.

Чжао Цзыянь смотрела на неё, сердце её сжималось от боли, но она не знала, что сказать. Обмануть её? Она уже сделала это однажды, и результат только разбил ей сердце. Сказать правду? Как она могла это сделать? Она всё больше ненавидела себя за то, что влюбила в себя

Фу Яньцин, ничего не сказав ей. Она изо всех сил старалась быть хорошей для неё, чтобы её глаза всё чаще останавливались на ней. Несмотря на все её мысли о том, что Фу Яньцин забудет её после её смерти, она всё равно боялась, что та легко вычеркнет её из своей жизни.

Молчание Чжао Цзыянь только подтвердило худшие опасения Фу Яньцин. Она отпустила Чжао Цзыянь и, потерянно отступив, упала на стул, сжав край одежды.

Чжао Цзыянь сжала губы и хрипло сказала:

— Цинь, это моя вина, я была слишком эгоистичной, я не должна была втягивать тебя в это, зная, что со мной происходит.

Эти слова словно подожгли Фу Яньцин, она резко встала, схватила Чжао Цзыянь и, стиснув зубы, сказала:

— Чжао Цзыянь, ты наконец поняла, что была эгоистичной? Ты наконец поняла, что не должна была втягивать меня в это? Почему ты была так добра ко мне? Почему ты изо всех сил старалась помочь мне? Почему ты рассказала мне всё это только после того, как я отдала тебе своё сердце, которое я должна была защищать?

Чжао Цзыянь была вся в слезах, её глаза, когда-то яркие, как звёзды, теперь были покрыты тучами, и она молча слушала крики Фу Яньцин. Когда она уже почти загнала себя в угол, та, кто держал её, внезапно крепко обняла и, сдавленно прошептав на ухо, сказала:

— Чжао Цзыянь, если ты действительно чувствуешь себя виноватой, пожалуйста, поправься, пожалуйста, останься со мной. Я уже не могу без тебя. Я никогда не думала, что кто-то войдёт в мою жизнь, но теперь, когда ты это сделала, ты не можешь так просто уйти, поняла?

Чжао Цзыянь, услышав слова Фу Яньцин, застыла на месте, и только через некоторое время, придя в себя, начала бормотать:

— Цинь... ты не злишься на меня... я...

Фу Яньцин, видя, как она, как ребёнок, плачет и глупо спрашивает, почувствовала смесь боли и смеха. Она вытерла слёзы Чжао Цзыянь и серьёзно сказала:

— Как я могу не злиться на тебя? Ты знаешь, что я чувствовала, когда увидела тебя такой? Я была так зла, что хотела схватить тебя и хорошенько отшлепать.

Затем её голос стал тише:

— Но мне также было так больно за тебя... ты... ты, дура, о чём ты думала?

Видя, что она тоже вот-вот заплачет, Чжао Цзыянь почувствовала, как сердце сжимается:

— Я была неправа, я больше не буду скрывать от тебя, я всё расскажу, только не грусти.

Фу Яньцин, сдерживая слёзы, мягко сказала:

— Запомни свои слова, если ты снова так поступишь, я лучше сама уйду от тебя, чем позволю тебе внезапно исчезнуть.

Не дав Чжао Цзыянь ответить, она слегка укоризненно посмотрела на неё:

— И больше не думай о плохом, не говори ничего мрачного. Слушай меня, и я обязательно найду способ.

Чжао Цзыянь быстро закивала, готовая на всё, лишь бы Фу Яньцин не сердилась и не грустила.

Но в последние дни Чжао Цзыянь не только не ела, но и не спала, постоянная боль, проникающая в кости, не давала ей даже потерять сознание, и она была на грани. После всех этих эмоциональных потрясений, хотя она изо всех сил старалась не закрывать глаза, сил у неё не было.

Фу Яньцин, видя, как она измучена, почувствовала, как сердце разрывается от боли, забыв о своих собственных чувствах, быстро прикрыла глаза Чжао Цзыянь и мягко прошептала:

— Если ты так устала, закрой глаза и спи, я буду рядом. Тебе не о чём думать, просто поправляйся, а обо всём остальном мы поговорим позже.

Чжао Цзыянь моргнула, затем послушно закрыла глаза. Через некоторое время она протянула руку и взяла левую руку Фу Яньцин, сжав её в своей, затем замерла, не двигаясь.

Через несколько мгновений Фу Яньцин убрала руку с её глаз и, глядя на спящую, чьи ресницы слегка дрожали, почувствовала горечь и боль. Как бы она ни злилась, видя эту тихую и трогательную фигуру, она могла только чувствовать сострадание.

Этой малышке всего девятнадцать лет, хотя в обычной семье, возможно, уже были бы дети, но для неё Чжао Цзыянь в этом возрасте должна была быть яркой и свободной, а не такой, прячущей всю боль и страдания внутри, терпящей до тех пор, пока это не разбивало ей сердце.

Наклонившись, она внимательно разглядывала спящую. Её кожа, и без того бледная, теперь была совершенно бескровной, что делало её ещё более хрупкой. Длинные густые ресницы, как маленькие веера, обрамляли высокий и изящный нос, а мягкие черты лица делали её невероятно красивой.

Чжао Цзыянь была красивее всех своих братьев и сестёр, когда она спала, её черты были мягкими и нежными, без обычной резкости хозяйки Призрачного терема или детской беспомощности, которую она показывала, когда капризничала. Она не была похожа на Императора Цзина, скорее, на свою мать. Говорили, что мать Чжао Цзыянь, Вэнь Жуюань, была самой красивой в императорском дворце, и в своё время многие молодые таланты добивались её руки.

Вспоминая Вэнь Жуюань, Фу Яньцин невольно перенеслась к тому дню, когда она встретила хозяина Призрачного терема. Его слова заставили её задуматься, что он был как-то связан с Вэнь Жуюань, а когда Чжао Цзыянь упомянула, что её матери давно нет в живых, его реакция была странной. Она помнила, как Чжао Цзыянь говорила, что никогда не видела тела своей матери, и что во дворце никогда не упоминали о ней. Может быть, здесь есть какая-то тайна? Взгляд Фу Яньцин остановился на спящей Чжао Цзыянь, и она нахмурилась. Неужели она уже что-то подозревает?

Автор простудился, чувствует себя ужасно, завтра перерыв, этот организм просто безнадежен.